

Московская лингвистическая школа. Ф.Ф. Фортунатов

На рубеже XIX – XX вв. в стенах Московского университета формируется группа языковедов, близкая по своим методологическим установкам к Лейпцигской школе и получившая название Московской лингвистической школы. Принимая основные положения индивидуального психологизма младограмматиков в качестве ведущего методологического принципа, Московская школа в своих лингвистических исследованиях значительную роль отводила изучению языка как социального феномена, много внимания уделяла проблеме становления литературного языка, что роднит ее с социологическим направлением и Пражским лингвистическим кружком. Основателем и главой школы явился Филипп Федорович Фортунатов (1848 – 1914) – один из выдающихся русских языковедов конца XIX – начала XX века. Учениками и последователями Фортунатова были Виктор Карлович Поржезинский (1870 – 1929), один из видных компаративистов; Александр Иванович Томсон (1860 – 1935), специалист по общему языкознанию; Александр Матвеевич Пецковский (1878 – 1933), известный грамматист; Дмитрий Николаевич Ушаков (1873 – 1942), выдающийся лексикограф; Алексей Александрович Шахматов (1864 – 1920), исследователь истории русского языка; Борис Михайлович Ляпунов (1862 – 1943), специалист в области праславянского языка; Михаил Михайлович Покровский (1869 – 1942), основатель сравнительно-исторической семасиологии, и ряд других видных лингвистов, среди которых немало зарубежных языковедов.

Ф. Ф. Фортунатов родился в Вологде, в семье учителя. Уже в раннем возрасте проявил интерес к изучению языка. В 1868 г. он окончил Московский университет, его главным учителем был Ф. И. Буслаев. В 1871 г. был командирован на два года в Германию, Францию и Англию, где изучал древнеиндийские Веда, слушал лекции Лескина и Курциуса в Лейпциге, М.Бреалья в Париже. В 1875 г. Фортунатов защитил магистерскую диссертацию представляющую собой перевод на русский язык и комментарий одной из частей Вед – Самаведы. В январе 1876 г. он начал читать лекции в Московском университете и читал их до 1902 г., до переезда в Петербург (после избрания его в 1898 г. действительным членом Академии наук), где руководил работой Отделения русского языка и словесности Академии наук и редактировал академические издания. В разные годы Фортунатов читал в Московском университете лекции по готскому, литовскому и старославянскому языкам, санскриту, общим вопросам языкознания, сравнительной фонетике и морфологии индоевропейских языков. Он мало печатался, и свои идеи развивал в лекционных курсах. Наиболее известными работами Фортунатова являются: «Сравнительное языковедение» (1898, 1900), «Сравнительная фонетика индоевропейских языков» (1902), «Сравнительная морфология» (1901), «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» (1919). Лишь после его

смерти, в 1956 – 1957 гг., удалось осуществить издание избранных трудов Фортунатова в двух томах, подготовленное его учениками – М. М. Покровским, Б. М. Ляпуновым и М. Н. Петерсоном (1885 – 1962).

Научное наследие Фортунатова характеризуется, с одной стороны, младограмматическим подходом к языку, а с другой – интересом к общелингвистической проблематике и социальной стороне языка. В своих трудах Фортунатов выступает прежде всего как крупнейший компаративист, внесший значительный вклад в разработку сравнительной фонетики и грамматики индоевропейских языков. С его именем связано описание первой и второй палатализации в славянских языках, разработка исторической акцентологии, открытие одновременно с Ф. де Соссюром закона передвижения ударения в балтийских и славянских языках (закон Фортунатова – Соссюра). Значительное место в его работах занимают вопросы общего языкознания, такие, как соотношение языка и мышления, типологическая классификация языков, грамматическая теория.

Сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков Фортунатов рассматривает как часть общего языкознания, предметом которого «является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории» (39, 238. ч. I). Существование каждого языка во времени состоит в его постоянном и постепенном видоизменении, каждый живой язык в данную эпоху его существования представляет собой видоизменение языка предшествующей эпохи. Историзм требует изучения фактов языка в их преемственности и изменении во времени. Историческое изучение всех доступных для исследования отдельных языков является вместе с тем необходимо сравнительным изучением языков, так как, сравнивая историю отдельного языка с историей других языков, лингвист, по мнению Фортунатова, открывает то прошлое в жизни изучаемого языка, когда он составлял еще одно целое с другими родственными с ним языками. История отдельного языка может привести исследователя к той отдаленной эпохе, когда предки многих современных народов составляли один общий народ и пользовались одним общим языком. Исторический подход к языку требует, таким образом, «определения родственных отношений между отдельными языками и сравнительного изучения тех языков, которые имеют в прошлом общую историю, т.е. родственны по происхождению» (39, 239 – 240, ч. I).

Вместе с тем сравнительно-исторический метод выступает для Фортунатова не единственным методом изучения языка: «факты различных языков должны быть сравниваемы и по отношению к тем сходствам и различиям, которые зависят от действия сходных и различных условий» (39, 240, ч. I), в первую очередь физических условий проживания народа и его духовных особенностей. Единство человеческой природы в целом, общие физические и духовные явления, свойственные человечеству, дают возможность говорить об одном человеческом языке, который может быть объектом языковедения.

Определяя предмет и задачи языкознания, Фортунатов указывает на его тесную связь с филологией, физиологией и психологией. Филология, изучая проявления духовной жизни народа, изучает и язык этого народа. Поскольку звуки речи представляют собой известные физические явления, то они исследуются физиологией звуков речи, которая изучает звуки речи в условиях их образования. Связь языковедения с психологией проявляется в изучении природы значений слов, связи между звуками речи и их значениями в словах. Кроме того, исследование человеческого языка в его истории входит как составная часть в науку о природе и жизни общества. Язык принадлежит людям как членам того или другого общества, он образует и поддерживает связи между членами общества. Историю развития язык имеет в обществе, а общество с течением времени изменяется само, имеет свою историю. Факты истории общества и общественных союзов дают ценные указания для истории языков, в них существовавших. В свою очередь, данные языков способствуют постижению особенностей культурного состояния общества в ту или иную эпоху истории общества. Рассматривая общественную сторону языка, Фортунатов особенно подчеркивал зависимость членения и бытования языка от развития соответствующего общественного коллектива. В этой связи он различает внешнюю и внутреннюю историю языка. Внешняя история языка определяется той тесной связью, которая существует между языком и обществом: «Каждый язык принадлежит известному обществу, известному общественному союзу, т. е. каждый язык принадлежит людям как членам того или другого общества. Все изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями: дроблению общества на те или другие части соответствует дробление языка на отдельные наречия, а объединению частей общественного союза соответствует и в языке объединение его наречий» (39, 239, ч. I). Внутренняя же история языка зависит от каждого индивидуума, она определяется индивидуально-психологическим соотношением мышления и речи.

Рассматривая язык как социально-историческое явление, Фортунатов указывает, что развитие языка в целом нельзя представлять только как его дробление на самостоятельные языки и диалекты, как дифференциацию. Разъединение наречий может сопровождаться их постепенным объединением, интеграцией, когда распавшиеся связи того или иного общественного союза начинают возрастать. Особенно важную роль в этом процессе он отводит литературному языку, или, по терминологии Фортунатова, «литературному наречию». Именно литературный язык отличается особенной стойкостью и стремлением к единообразию, которые поддерживаются контролирующей и унифицирующей деятельностью людей. Таким образом, историзм Фортунатова несколько отличен от исторического принципа Лейпцигской школы младограмматиков, в основу которого положено представление о языке как саморазвивающейся системе.

Много внимания в своих работах Фортунатов уделяет соотношению языка и мышления, рассматривая их вслед за младограмматиками с позиций индивидуального психологизма. Язык, по Фортунатову, «существует главным образом в процессе мышления и в нашей речи как в выражении мысли, а кроме того, наша речь включает в себе также и выражение чувствований». Поэтому язык представляет «совокупность знаков главным образом для мысли и для выражения мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований» (39, 242, ч. I). По мнению Фортунатова, существует обоюдная связь между языком и мышлением: не только язык зависит от мышления, но и мышление зависит от языка. Само «мышление состоит из духовных явлений, называемых представлениями, в их различных сочетаниях и из чувства соотношения этих представлений» (39, 243, ч. I). Под представлением Фортунатов понимает след ощущения, сохраняющийся некоторое время после того, как не действует уже причина, вызвавшая ощущение, и который впоследствии может воспроизводиться по действию закона психической ассоциации. Ассоциации представлений, или духовных явлений, могут возникать по смежности или по сходству. Процесс мышления заключается в образовании чувства соотношения между представлениями как частями одной цельной мысли. В свою очередь звуковые комплексы, обозначающие слова, имеют свои следы, свои представления в сознании человека. В процессе взаимодействия языка и мышления устанавливается связь между представлениями самих предметов и представлениями звуковых комплексов. Представления звуков, по Фортунатову, выступают в мышлении заместителями других представлений, то есть представлениями знаков для мышления. Он полагает, что значения звуковой стороны слов для мышления состоят «в способности представлений звуковой стороны слов сочетаться между собой в процессе мышления в качестве заместителей, представителей других представлений в мысли, а поскольку представления звуков слов являются заместителями других представлений в мысли, постольку представляемые звуки слов являются знаками для мысли, именно знаками как того, что дается для мышления (т.е. знаками предметов мысли), так и того, что вносится мышлением (т.е. знаками тех отношений, которые открываются в мышлении между частями мысли или между целыми мыслями)» (39, 247, ч. I). Таким образом, зависимость мышления от языка заключается прежде всего в том, что «при посредстве слов мы думаем и о том, что без тех или других знаков не могло бы быть представлено в нашем мышлении, и точно так же при посредстве слов мы получаем возможность думать так, как не могли бы думать при отсутствии знаков для мышления по отношению именно к обобщению и отвлечению предметов мысли» (39, 249, ч. I).

Тесная связь языка и мышления в учении Фортунатова выразилась и в понимании им суждения и предложения как психологической категории. По Фортунатову, отдельная мысль, образуемая объединением или отделением

двух представлений, является суждением, в котором одно представление является господствующим, а другое подчиненным; одно представление является психологическим подлежащим, а другое – психологическим сказуемым. В реальном процессе мышления человек не отделяет суждения от предложения, мыслит суждениями-предложениями, тесно связанными между собой.

Большой интерес для общего языкознания представляет грамматическая теория Фортунатова, важнейшим элементом которой является учение о грамматической форме. Это учение считается одной из важнейших заслуг Фортунатова в истории языкознания, оно получило название формального направления в языковедении. Проблема формы в языке разрабатывалась Фортунатовым на протяжении всего периода его научной деятельности, причем понимание формы в языке менялось, так как автор искал более точное ее определение. В своей основной сути истолкование грамматической формы оставалось неизменным, оно покоится прежде всего на рассмотрении особенностей формы слова. По Фортунатову, формы языка представляют собой грамматические факты языка и различия слов в формах являются поэтому грамматическими различиями слов.

Грамматическую форму слова Фортунатов понимает морфологически – как членимость слова на основу и окончание, присутствие в слове этой членимости дает слову его форму. Формальная принадлежность слова – это какой-либо определенный аффикс, основная принадлежность – это основа слова. «Формой отдельных слов, – пишет Фортунатов, – называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова... Формами полных слов являются, следовательно, различия полных слов, образуемые их различиями в их формальных принадлежностях, т.е. в тех принадлежностях, которые видоизменяют значения других, основных принадлежностей тех же слов» (39, 260, ч. 1). Ср. *вед-у, вед-ешь, вед-ет; рук-а, рук-е, рук-у, рук-ой* и т.п. Фортунатов вводит также понятие отрицательной формальной принадлежности, имея под этим в виду нулевые аффиксы. Например, в русском языке слова *дом, человек* имеют грамматическую форму именительного падежа единственного числа, причем формальной их принадлежностью в данной форме является отсутствие флексии (нулевое окончание) по сравнению с положительной формальной принадлежностью в косвенных падежах. Фортунатов выделяет два типа форм отдельных слов в зависимости от функций форм: выступают ли они как знаки отдельных предметов или обозначают отношения между последними. В первом случае вычленяются формы словообразования, во втором – формы словоизменения. Идеи Фортунатова о формах словоизменения и формах словообразования получили почти единодушное признание в русской лингвистике.

Концепция формы слова предопределила и особенности грамматической теории Фортунатова в целом. Он определяет грамматику как учение о формах слова и подразделяет ее на морфологию (заменяя старое название этого раздела «этимология») и синтаксис. Морфология рассматривает отношения отдельных слов между собой, а синтаксис исследует формы отдельных слов в их употреблении в словосочетаниях. Части речи определяются как грамматические классы слов, отличительным признаком которых является наличие или отсутствие в них аффиксов. Основной единицей синтаксиса в учении Фортунатова явилось словосочетание, что объясняется психологической основой выделения единиц языка и его концепцией языковой формы. В связи с учением о форме слова Фортунатов проводит морфологическую классификацию языков мира, добавляя к четырем основным типам пятый: флективно-агглютинативные языки, в которых основы слов имеют внутреннюю флексию (семитские языки).

Ученики и последователи Фортунатова продолжили разработку его идей в области компаративистики, общего языкознания, синтаксиса и морфологии, уделяли большое внимание становлению литературного языка, проблемам культуры речи, лексикографии. Наиболее последовательно развивали его идеи А. М. Пешковский, А. А. Шахматов и Б. М. Ляпунов. Центральными понятиями «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского выступают форма слова и форма словосочетания, понятие предложения выводится из этих форм. А. А. Шахматов уделяет большое внимание вопросам исторической фонетики русского языка, грамматического строя современного русского языка. В «Синтаксисе русского языка» он преодолевает некоторые крайности своего учителя и создает теорию предложения как центральной единицы синтаксиса, четко разграничивая односоставные и двусоставные предложения. В основе теории предложения Шахматова лежит концепция психологической коммуникации как основы всех разновидностей предложения. Б. М. Ляпунов развивает на праславянском языковом материале сравнительно-исторические идеи своего учителя. Русская грамматическая традиция, а отчасти и западная, через учеников и последователей Фортунатова подверглась влиянию его лингвистических воззрений. Формализм грамматических построений, склонность к абстракции и схематизации оказали воздействие на становление структурализма в языкознании.